

2014-5
2124

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ: PRO ET CONTRA

Антология

НП Межцерковная организация
«Апостольский город — Невская перспектива»
Санкт-Петербург
2013

Г. В. ПЛЕХАНОВ

<В. О. Ключевский>

II

Ход развития всякого данного общества, разделенного на классы, определяется ходом развития этих классов и их взаимными отношениями, т. е., во-первых, их взаимной борьбой там, где дело касается внутреннего общественного устройства, и, во-вторых, их более или менее дружным сотрудничеством там, где заходит речь о защите страны от внешних нападений. Стало быть, ходом развития и взаимными отношениями классов, составлявших русское общество, и должно быть объяснено неоспоримое относительное своеобразие русского исторического процесса.

Наша историческая наука давно уже поставила перед собой, — следуя поучительному примеру французских историков времен реставрации, — вопрос о том, каковы были взаимные классовые отношения в России. Как сказано мною выше, было время, когда люди самых противоположных взглядов сходились у нас в том убеждении, что история России совсем не похожа на историю Запада. Несходство это объяснялось тогда тем, будто бы несомненным, обстоятельством, что, в противоположность Западу, Россия не знала взаимной борьбы классов. Теперь это обстоятельство никак не может считаться несомненным. Теперь серьезному исследователю приходится спрашивать себя не о том, имела ли классовая борьба место в нашей стране, — теперь уже доказано, что имела, — а о том, походила ли она и в какой мере походила она на ту, которая совершалась в других странах.

За разрешением этого коренного вопроса мы, прежде всего, обратимся к одному из самых авторитетных, — если не самому авторитетному, — теперь русскому историку.

«История наших общественных классов, — говорит покойный проф. В. Ключевский, — представляет немало поучительного в научном отношении. В ходе их возникновения и развития, в процессе

определения их взаимных отношений видим действие условий, похожих на те, какими создавались общественные классы в других странах Европы. Но условия эти у нас являются в других сочетаниях, действуют при других внешних обстоятельствах, и потому создаваемое ими общество получает своеобразный склад и новые формы»*.

Подобно Павлову-Сильванскому, проф. Ключевский ограничивается односторонним, — завещанным эпохой тридцатых и сороковых годов прошлого века, — сравнением России с Западом. Если бы он дополнил это одностороннее сравнение, сопоставив наше отечество с Востоком, то сейчас же заметил бы, что чем более своеобразным становился ход нашего общественного развития в сравнении с западноевропейским, тем менее своеобразен был он по отношению к ходу развития восточных стран, — и наоборот. Это замечание очень пригодило бы ему в его дальнейших соображениях. Но в границах своего сравнения он совершенно прав: общественное здание, сложившееся на русской почве, обнаруживает «своеобразный склад и новые формы». Поэтому нам остается только рассмотреть, чем же собственно отличались те сочетания условий, благодаря которым история наших общественных классов приняла не такой вид, какой получила она «в других странах Европы». Что узнаем мы на этот счет от проф. В. Ключевского?

По его словам, в истории всякого данного общественного класса нужно различать два момента: экономический и политический. Первый из них выражается в разделении общества согласно с разделением общественного труда. Второй — дополняет, — «завершает», — собою действие первого, распределяя общественную власть сообразно организации народного хозяйства, так что «экономические классы превращаются в политические сословия». Иначе сказать: «Политические факты вытекают из экономических, как их последствия». По-видимому, проф. В. Ключевский считал такой ход дела наиболее нормальным. Но он находил, что местами дело шло в обратном порядке. И вот почему. Страна, в которой народное хозяйство сложилось уже довольно прочно, может подвергнуться завоеванию, а завоевание введет в нее новый общественный класс и тем изменит положение и взаимные отношения прежних. Это вызывает многие перемены в ходе ее хозяйственной жизни. Очевидно, что они явятся «прямыми последствиями политического факта». Проф. В. Ключевскому казалось, что именно так или, по крайней

* Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. М., 1090. С. 7.

мере, очень близко к этой схеме, согласно которой политический момент предшествует экономическому, создавались многие государства Западной Европы*. И он приписывал огромное значение этому способу их возникновения. Он говорит, что далеко не все равно, вытекают ли политические факты из экономических, или же — наоборот.

Поясняя эту свою мысль, он рассуждал следующим образом.

Когда внешняя сила вторгается в общество и вооруженной рукой захватывает распоряжение народным трудом, тогда весь создаваемый ею государственный порядок приспособляется к защите приобретенных ею экономических выгод. Этим вызывается целый ряд чрезвычайно важных последствий. «Основания государственного устройства, отношения к верховной власти и к другим сословиям при таком ходе привлекают к себе заботливое внимание господствующего класса; вопросы государственного права выступают на первый план, составляют самые видные явления в истории общества; частные гражданские отношения лиц, как и их экономическое положение, устанавливаются под прямым влиянием этих вопросов, в прямой зависимости от того, как они разрешаются, а не наоборот, — и это потому, что господствующий класс старается так определить свои политические отношения, чтобы можно было мирно пользоваться экономическими выгодами, приобретенными завоеванием**. Благодаря всему этому, внутренняя история общества получает боевой характер, все общественные отношения обостряются, учреждения и классы получают резкие очертания. Наоборот, где завоевание не имело места, там основы общественного порядка обозначались не так явно и не так последовательно проводились на практике, вследствие чего внутренняя история общества приобретала более мирный характер.

Покойный профессор не решался утверждать, что развитие русских общественных отношений шло этим последним путем. Но в то же время он не считал возможным уподобить ход этого развития западноевропейскому. Задавая себе вопрос: «Который из двух моментов, политический или экономический, предшествовал другому в образовании наших общественных классов, и всегда ли один и тот же из них шел впереди другого?», он в конце концов склонялся к той мысли, что в истории нашего общества

* Легко заметить, что этот взгляд на ход общественного развития Запада прямо противоположен взгляду П. Н. Милокова.

** Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. С. 9.

“господствовали смешанные процессы”, т. е. что у нас каждый из этих двух моментов поочередно играл роль то предшествующего, то последующего: иногда образование сословий начиналось политическим моментом, а иногда оно являлось следствием экономического развития общества. Вот почему исследователь, хорошо изучивший происхождение и развитие западноевропейских сословий, не встречает у нас повторения знакомых ему явлений»*.

III

Итак, на Западе экономический момент явился следствием политического, а у нас господствовали смешанные процессы. В этом заключается, по мнению проф. В. Ключевского, коренная причина относительного своеобразия, замечаемого в ходе русского исторического развития. Разберем это мнение.

Убеждение высокоталантливого историка в том, что на Западе политический момент предшествовал экономическому, основывалось на факте завоевания, которому он приписывал роль первого толчка в развитии западноевропейского общества. Но позволено спросить: имеем ли мы сколько-нибудь серьезное основание думать, что политический момент предшествовал экономическому в истории какого бы то ни было общества?

На этот важный социологический вопрос западная наука ответила решительным отрицанием еще в лице Гизо и других французских историков времен реставрации. Мне уже не раз приходилось излагать взгляды этих историков, поэтому я не вижу никакой надобности входить в большие подробности по этому предмету. Однако мне все-таки придется повторить кое-что из сказанного мною в других местах.

Вот очень интересное и убедительное соображение Гизо: «Большая часть писателей, ученых или публицистов старалась объяснить данное состояние общества, степень или род его цивилизации, его политическими учреждениями. Было бы благоразумнее начинать с изучения самого общества, для того, чтобы узнать и понять его политические учреждения. Прежде, чем стать причиной, учреждения являются следствием, общество создает их прежде, чем начинает изменяться под их влиянием; и вместо того чтобы о состоянии народа судить по формам его правительства, надо прежде всего исследовать состояние народа, чтобы судить, каково должно было быть,

* Там же. С. 13–14.

каково могло быть его правительство... Общество, его состав, образ жизни отдельных лиц в зависимости от их социального положения, отношения различных классов лиц — словом, гражданский быт людей, — таков, без сомнения, первый вопрос, который привлекает к себе внимание историка, желающего знать, как жили народы, и публициста, желающего знать, как они управлялись»*.

Я не буду приводить здесь выписки из сочинений Огюстэна Тьерри и Минье¹, вполне разделявших этот взгляд Гизо**. Я считаю доказанным мною прежде, что еще в эпоху реставрации французские историки, сами приписывавшие завоеванию очень большую роль в развитии европейского общества, отвергали как отживший научный предрассудок ту мысль, что социальный строй данного народа может быть объяснен его политическими учреждениями. Они настойчиво и убедительно доказывали, что политические учреждения были следствием прежде, нежели стать причиной. И всякий новый успех в деле научного объяснения общественной жизни подтверждал и углублял это их учение. Исторический материализм Маркса-Энгельса, объясняющий политические учреждения социальным строем, а социальный строй общественной экономикой, окончательно выяснил взаимное отношение экономического и политического «моментов» общественного развития. Маркс и Энгельс прекрасно понимали огромное историческое значение политического «момента». Именно по этой причине они сами деятельно занимались политикой. Но они еще яснее, нежели Гизо, видели, что действие названного момента всегда представляет собою лишь обратное влияние следствия на вызвавшую его причину. И легко убедиться, что правильность их точки зрения подтверждается, между прочим, собственными рассуждениями проф. Ключевского.

Он так изображает ход общественного развития в тех странах, где политический «момент» шел, по его мнению, впереди экономического.

«В стране промышленная культура сделала уже некоторые успехи, труд населения успел до известной степени овладеть силами и средствами местной природы, народное хозяйство уже

* Guizot F. Essais sur l'Histoire de France. Paris, 1823–1824. P. 73–74. Можно подумывать, что Гизо возражает П. Н. Милюкову.

** Подробнее об этом см. в моей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изд. четвертое (СПб., 1906), стр. 13–26, в предисловии ко второму изданию моего перевода «Манифеста коммунистической партии» (М., 1883) и в статье «М. П. Погодин и борьба классов», «Современный мир», апрель и май 1911.

установилось с некоторой прочностью, когда эта страна подверглась завоеванию, которое ввело в нее новый общественный класс, изменив положение и отношения прежних туземных. Пользуясь правом победы, этот класс берет в свое распоряжение труд побежденного народа. Перемены, которые происходят от этого в течении народно-хозяйственной жизни, являются прямыми последствиями политического факта, вторжения нового класса, который начинает править обществом в силу завоевания»*.

Это, бесспорно, так: перемены, происходящие в экономике страны под влиянием политического факта завоевания, представляют собою последствия политического факта. Но ведь это простая тавтология. Вопрос заключается вовсе не в том, можно ли считать последствиями политического факта перемены, этим фактом вызываемые: само собою разумеется, что и можно, и должно. Вопрос заключается в том, отчего же зависит, чем же определяется характер тех перемен, которые вызываются политическим фактом. Другими словами: почему данный политический факт, — скажем, то же завоевание, — в одном случае вызывает одни перемены в народном хозяйстве, а в другом — совершенно другие? И на этот вопрос может быть только один ответ: потому, что в разных случаях различна та степень экономического развития, на которой находятся завоеванные; а также еще и потому, что в разных случаях различна та степень экономического развития, на которой находятся завоеватели. Но это значит, что возможные последствия политического факта заранее определяются экономическим моментом. Иначе сказать, возможное действие политического момента заранее определяется моментом экономическим.

Это до такой степени верно и до такой степени само собою разумеется, что сам проф. Ключевский молчаливо признает это, рисуя свою схему. В самом деле, посмотрите. Согласно его предположению, страна подвергается завоеванию уже после того, как промышленная культура сделала в ней некоторые успехи, а народное хозяйство уже установилось с некоторой прочностью. Ясно, что политический факт завоевания не предшествует здесь данному строю экономических отношений, а действует на него, как на уже существующий. И столь же ясно, что его действие будет изменяться в зависимости от характера этого, предварительно данного, склада экономических отношений. Это опять молчаливо признается самим проф. Ключевским.

* Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. С. 7–8.

«Завоевателям для своего материального обеспечения, — рассуждает он, — нет нужды заводить вновь хозяйство в захваченной стране, указывать приемы и средства для эксплуатации ее естественных богатств. Они насильственно вторглись в установившийся экономический порядок, стали с оружием в руках у готового хозяйственного механизма; по указанию собственных потребностей им только нужно переставить некоторые его части, задать ему некоторые новые работы, направить народный труд преимущественно на разработку тех естественных богатств края, обладание которыми они нашли наиболее сподручным и прибыльным. После того у них оставалась бы забота не устроить технически этот механизм, а только обеспечить за собой послушное действие приставленных к нему рабочих рук»*.

Это «только» как нельзя более многозначительно: оно решает весь вопрос. Если завоевателям нет надобности «устроить технически» хозяйственный механизм попавшей в их распоряжение страны; если им остается «только» обеспечить за собою послушную деятельность рабочих рук, приводящих этот механизм в движение; если, — говоря языком политической экономии, — их роль и стремление сводятся к тому, чтобы присвоить себе прибавочный продукт, производимый трудящимся населением страны при таких хозяйственных условиях, которые существовали в ней еще до завоевания, то не ясно ли, что мы не имеем решительно никакого права считать политический момент предшествующим экономическому? Не очевидно ли, что и здесь политический момент выступает после экономического и что первый, как уже сказано выше, определяется вторым в характере своего действия? Наконец, не очевидно ли, что действие это по своему общему характеру ничем существенным не отличается от того, которого мы можем и должны ожидать от туземного господствующего класса, т. е. класса, возникающего независимо от завоевания, в силу экономического развития страны? Разве же такой класс не стремится обеспечить за собою послушную деятельность трудящегося населения? Разве же он не старается присвоить себе прибавочный продукт, создаваемый руками народной массы, не испытавшей завоевания, но все-таки находящейся в состоянии экономической зависимости?

«Этого обеспечения, — продолжает проф. Ключевский, — господствующий класс будет стараться достигнуть политическими средствами, известной системой законодательства, приспособленной

* Там же. С. 8.

к цели организацией сословий, соответственным устройством правительственных учреждений»*.

Все это опять, бесспорно, так. Но если бы мы имели дело с господствующим классом, в происхождении которого завоевание не играло ровно никакой роли, то и тогда мы непременно увидели бы, что он заботится о создании такой системы законодательства, которая позволила бы ему отстаивать выгоды своего экономического положения. И точно так же мы убедились бы, что этот класс пользуется политическими средствами для достижения своей цели, ведь иначе и быть не может.

IV

Проф. Ключевский указывает на Новгород как на такую часть Древней Руси, где общественное развитие соответствовало первой схеме: расчленение общества по роду занятий, которому соответствует политическое значение разных его классов. «Рано освободившись от непосредственного давления со стороны князя и служилой аристократии, этот вольный городок усвоил себе формы демократического устройства. Но еще раньше успехи внешней торговли, ставшей главным жизненным нервом города, создали в нем несколько крупных торговых домов, которые были руководителями новгородской торговли, и в силу этого сделались потом руководителями новгородского управления, правительственной аристократией, господство которой, однако, всегда оставалось простым фактом, не сопровождалось отменой демократических форм новгородского устройства»**.

Тут мы видим то же самое, что уже видели выше: неоспоримые факты ложатся в основу такого заключения, которое никак не может быть признано неоспоримым. И это потому, что заключение гораздо шире своей фактической основы.

История показывает, что местами и иногда политическое господство высшего, — по своему экономическому положению, — класса «остаётся простым фактом», а в других местах или в другое время облекается в более или менее определенные и прочные юридические формы. Все зависит от обстоятельств времени и места. Если в Новгороде мы можем наблюдать первый случай, то второй представляется нам, например, в Венеции. Первоначально и в этом

* Там же.

** Там же. С. 11.

«вольном городке» были только классы, отличавшиеся один от другого экономическим положением, но не было сословий с различными политическими правами. А потом дело резко изменилось. В конце XIII века произошла так называемая *serrata del maggior consiglio*, положившая прочную основу юридическим привилегиям венецианской торговой аристократии. Что же? Имеем мы право считать эту перемену последствием, — хотя бы и очень отдаленным, — завоевания? Никакого! Адриатическая «царица морей» не знала иностранного завоевания вплоть до вступления в нее французских войск в мае 1797 года. Мы можем сказать словами проф. Ключевского, что там экономический момент всегда предшествовал политическому. А между тем мы наблюдаем в ней то самое явление — приобретение политических привилегий экономически господствующим классом, — которое, по мнению нашего автора, возникает лишь в таких странах, где, наоборот, политический момент предшествует экономическому. С другой стороны, Флоренция, — подвергавшаяся иностранному завоеванию, — в течение продолжительного времени неуклонно изменяла свое политическое устройство в направлении к демократии, т. е. в направлении прямо противоположном аристократическому направлению политического развития Венеции. По какой же причине? Потому ли, что отношение (во времени) политического момента к экономическому было там прямо противоположно тому, которое имело место в Венеции? Нет! Во Флоренции, как и в Венеции, как и во всем мире, экономический момент «предшествовал» политическому. Но во Флоренции он вызвал иное соотношение общественных сил, нежели в Венеции, и тем обусловил противоположное направление ее политического развития, т. е. совсем иную природу политического момента*.

Но хотя в Венеции утвердилось аристократическое, а во Флоренции демократическое устройство, однако и тут и там господствовавший класс усердно пользовался политическими средствами для защиты своих экономических выгод. То же было, разумеется, и в Новгороде. Только средства эти были различны, в зависимости от различий в политической конституции, вызванных

* Паскуало Виллари² высказал несколько очень остроумных догадок насчет экономических причин, обусловивших собою разницу в ходе политического развития некоторых больших городов Италии. (См. его книгу «*Niccolò Machiavelli e i suoi tempi*», Firenze, 1887, introduzione). Было бы большим преувеличением утверждать, что его догадки решают вопрос; но они вполне определенно указывают, где надо искать его решения, а этого здесь для нас вполне достаточно.

экономическими причинами. И то же самое мы видим и теперь. В Пруссии господствующий класс до сих пор имеет политические привилегии. Во Франции он уже не имеет их. Однако французская буржуазия так же усердно, как прусские юнкеры и богатые бюргеры, пользуется политическими средствами в борьбе за свое существование. И конечно, она несколько не меньше их дорожит тем законодательством, которое охраняет ее экономическое господство. Это вряд ли нуждается в доказательствах.

А Россия? Экономическое, а потому и политическое развитие было неодинаково в различных частях этой обширной страны. Но в общем мы все-таки можем сказать, что домонгольская Русь знала классы, но не знала сословий, а в XIII—XV веках можно заметить постепенное появление различий в юридических правах и обязанностях различных классов. Эти различия приводят, — сначала в Литовской, а потом и в Московской Руси, — к образованию более или менее резко разграниченных одно от другого сословий. *Mutatis mutandis*³, дело шло здесь так же, как шло оно в Венеции, причем и здесь, как решительно везде, экономический момент предшествовал политическому, давая направление его развитию и определяя быстроту его хода и яркость его феноменов.

Ошибка проф. Ключевского состоит в том, что он слишком сузил понятие политического средства, совершенно произвольно отождествив его с понятием «политическая привилегия».

Устранив эту, чреватую ложными выводами, ошибку, мы, — опять на основании собственных соображений нашего автора, — с ясностью увидим, к чему сводится, в действительности, отношение между экономикой и политикой.

«Все это с течением времени во многом изменит народное хозяйство, вызовет в нем много новых отношений, — говорит почтенный историк, заметив, что завоеватели воспользуются политическими средствами для защиты своих экономических выгод, — и все эти новые экономические факты будут следствиями предшествовавших им фактов политических»*.

Правильно. Но здесь мы будем иметь перед собою именно типичный случай обратного действия политического «момента» на экономический, обусловивший собою его возникновение и характер.

Такие случаи очень часты в процессе общественного развития; однако ни один из них не подтверждает взгляда проф. Ключевского. Все они показывают не то, что в истории некоторых стран политический

момент предшествует экономическому, а только то, что политические отношения, возникшие на известной хозяйственной подкладке, в свою очередь, влияют на дальнейшее развитие народного хозяйства. Но, — и в этом все дело, — так бывает не только там, где господствующий класс пользуется известными юридическими привилегиями; так бывает решительно всюду, где находятся налицо известные политические отношения. Так было, между прочим, и в новгородской республике, на которую сослался проф. Ключевский.

Неоспоримо, что завоевание может обострить взаимные отношения общественных классов и придать много драматизма ходу общественного развития. Однако не всегда придает. Завоевание Китая манчжурами не помешало внутренней истории этой страны оставаться мало драматичной вплоть до самого последнего времени. Большая или меньшая степень драматизма в общественной жизни зависит только от того, как много поводов для резких и ярких столкновений между различными общественными силами создается существующим общественным порядком. А это определяется не тем, лежит или же не лежит в основе этого порядка завоевание. Внутренняя история Польши полна яркого драматизма. Потому ли это, что деление польского общества на классы явилось результатом завоевания? Мы еще не имеем права утверждать, что возникновение польского государства связано с завоеванием. Это вовсе не доказано.

Проф. Ключевский не верно и не ясно представлял себе взаимное отношение между экономикой и политикой. Кроме того, он сильно преувеличивал историческую роль завоеваний. В этом отношении он еще не вполне освободился от влияния взгляда, господствовавшего у нас в тридцатых и сороковых годах и заимствованного нашими писателями у французских историков времен реставрации. Гизо, Ог. Тьери, Минье и др., так правильно рассуждавшие о том, что политические учреждения должны быть следствием, прежде нежели сделаться причиной, не умели, однако, выяснить себе происхождение западноевропейского феодализма. Они не умели понять его как следствие внутреннего развития «гражданского быта» Западной Европы и потому целиком относили его на счет завоевания, т. е. политического действия. Это было противоречием, в которое они попали вследствие тогдашнего недостатка в фактическом материале. Но теперь с этим противоречием давно пора кончить.

* Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. С. 8.

сказания. Варшава, 1875; *Шахматов А. А.* 1) Киево-Печерский и Печерская летопись. СПб., 1897; 2) Житие Антония и Печерская летопись // Журнал министерства народного просвещения. 1898. Март; *Абрамович Д. И.* 1) Несколько слов в дополнение к исследованию А. А. Шахматова «Киево-Печерский патерик и Печерская летопись». СПб., 1898; 2) Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902.

²⁵ *Алексий* (Александр Федорович Лавров-Платонов; 1829–1890) — историк русской церкви, экстра-ординарный профессор Московской духовной академии по кафедре греческого языка (1864–1870) и библиотекарь академии, профессор кафедры церковного законовещения (1870–1878), епископ Можайский (1878–1883), епископ Дмитровский (1883–1885), епископ Таврический (1885), епископ Литовский (1885–1890).

²⁶ *Казанский Петр Симонович* (1819–1878) — профессор Московской духовной академии.

Г. В. Плеханов

<В. О. Ключевский>

Печатается по: *Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли. Т. 1. СПб., 1914. С. 11–22. Главы II–IV.

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) — русский философ-марксист, один из основателей РСДРП.

¹ *Тьерри Жак Никола Огюстен* (1795–1856) — французский историк романтического направления; *Минье Франсуа-Огюст* (1796–1884) — французский историк.

² *Виллари Паскуале* (1827–1917) — итальянский историк и философ позитивистского направления.

³ *Mutatis mutandis* — с соответствующими изменениями (*лат.*).

Н. А. Заозерский

Василий Осипович Ключевский

в его рецензиях диссертаций на ученые степени профессоров и студентов М<осковской> Д<уховной> академии

Печатается по: Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1914. Кн. 1 (248). С. 72–79.

Заозерский Николай Александрович (1851–1919) — профессор кафедры церковного права Московской духовной академии.

¹ *Казанский Петр Симонович* (1819–1878) — профессор Московской духовной академии. Автор «Истории православного монашества на Вос-

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	5
<i>Р.А. Киреева</i>	
За художником скрывается мыслитель: Василий Осипович Ключевский	7

I

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО

<i>Магистерский диспут В.О. Ключевского</i>	
<i>Протоколы факультетских заседаний <Фрагменты></i>	63
<i>И.А. Артоболевский</i>	
К биографии В. О. Ключевского (Ключевский до университета)	71
<i>Е.О. Виргинская</i>	
Воспоминания о В. О. Ключевском	88
<i>В.П. Маловский</i>	
Воспоминания о В. О. Ключевском	92
<i>А.А. Рождественский</i>	
Воспоминания о В. О. Ключевском	95
<i>Н.П. Нечаев</i>	
<Воспоминания о занятиях В. О. Ключевского в Александровском военном училище>	106
<i>В.А. Петров</i>	
<Воспоминания о занятиях В. О. Ключевского в Александровском военном училище>	108

II

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ КОЛЛЕГ И УЧЕНИКОВ

<i>А.А. Кизеветтер</i>	
В. О. Ключевский как ученый историк России <Фрагмент>	117
<i>В.Я. Уланов</i>	
Арфа сломана	120

<i>Лигин</i>	
Ключевский-журналист	123
<i>Н.Н. Овсянников</i>	
В. О. Ключевский как историк	127
<i>Н. Пелетчин</i>	
Памяти проф. Ключевского	131
<i>Из жизни В.О. Ключевского</i>	134
<i>Ключевский на выборах в 1-ю Государственную думу</i>	137
<i><Отношение В.О. Ключевского к предсоборному присутствию></i>	138
<i><Лекции Ключевского великому князю Сергею Александровичу></i>	139
<i>И.М. Громогласов</i>	
<Воспоминания о В. О. Ключевском>	140
<i>А.И. Покровский</i>	
<Воспоминания о В. О. Ключевском>	144
<i>Ключевский и волнения в Духовной академии</i>	147
<i>П. Погожев</i>	
Первая работа В. О. Ключевского	149
<i>Р.Ю. Виннер</i>	
Памяти великого учителя (Письмо в редакцию)	151
<i>Ю.В. Готье</i>	
Университет <Фрагмент>	154
<i>А.А. Кизеветтер</i>	
В. О. Ключевский как преподаватель	158
<i>М.М. Ковалевский</i>	
Василий Осипович Ключевский	171
<i>А.М. Белов</i>	
В. О. Ключевский как лектор (Из воспоминаний его слушателя)	177
<i>Б.А. Щетинин</i>	
Из воспоминаний о В. О. Ключевском	182
<i>Н.Н. Богородский</i>	
Василий Осипович Ключевский (Воспоминания слушателя)	186
<i>А.А. Танков</i>	
Памяти В. О. Ключевского (Из воспоминаний его слушателя)	196
<i>М.М. Богословский</i>	
Из воспоминаний о В. О. Ключевском	201
<i>А.Ф. Кони</i>	
Воспоминания о В. О. Ключевском	209

<i>Е. А. Ефимовский</i> Лекции В. О. Ключевского в жизни Московского студенчества	228
<i>Н. Г. Путинцев</i> Памяти историка Василия Осиповича Ключевского <Фрагмент>	232
<i>П. Н. Миллюков</i> В. О. Ключевский	238
<i>М. А. Голубцова</i> Воспоминания о В. О. Ключевском	273
<i>Е. В. Барсов</i> В. О. Ключевский — как председатель Общества	285
<i>С. С. Глаголев</i> О В. О. Ключевском	290
<i>В. А. Маклаков</i> Отрывки из воспоминаний	307
<i>Е. В. Барсов</i> Мнение В. О. Ключевского о Максиме Горьком	316
<i>М. М. Богословский</i> Из воспоминаний о В. О. Ключевском	318
<i>Н. А. Колосов</i> Профессор В. О. Ключевский (Краткий некролог и личные воспоминания)	326
<i>Н. М. Ликин</i> Памяти В. О. Ключевского	335
<i>Е. Я. Кизеветтер</i> Заметки о В. О. Ключевском. 1911 год (Отрывки из дневника)	339
<i>М. М. Богословский</i> В. О. Ключевский как ученый	344
<i>С. Ф. Платонов</i> Памяти В. О. Ключевского	363
<i>С. Д. Яхонтов</i> 12 мая 1911 г. Памяти В. О. Ключевского	368

III

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

<i>А. С. Лаппо-Данилевский</i> Исторические взгляды В. О. Ключевского	375
Записка об ученых трудах ординарного профессора Императорского Московского университета В. О. Ключевского	391
<i>В. М. Хвостов</i> Историческое мировоззрение В. О. Ключевского	398

<i>А. А. Кизеветтер</i> Ключевский и «социализация» классиков	427
<i>Л. И. Львов</i> Ключевский о России	429
<i>М. К. Любавский</i> Соловьев и Ключевский	435
<i>А. Александров (М. С. Ольминский)</i> В. Ключевский	449
<i>Д. А. Корсаков</i> По поводу двух монографий В. О. Ключевского	459
<i>И. Н. Бороздин</i> Памяти В. О. Ключевского (Умер 12 мая 1911 года)	475
<i>Я. Л. Барсков</i> Василий Осипович Ключевский [Не позже 12 мая 1921 г.]	479
<i>И. А. Линниченко</i> Василий Осипович Ключевский	490
<i>М. В. Клочков</i> Из траурных воспоминаний. В. О. Ключевский (1839–1911)	496
<i>Б. И. Сыромятников</i> В. О. Ключевский и Б. Н. Чичерин	506
<i>Ю. И. Айхенвальд</i> Ключевский мыслитель и художник	542
<i>В. И. Пичета</i> Исторические взгляды и методологические приемы В. О. Ключевского	570
<i>А. Р. Ледницкий</i> В. О. Ключевский как историк-славянин	585
<i>В. В. Розанов</i> Ключевский (К 75-летию со дня рождения)	592
<i>С. И. Смирнов</i> Исследование В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник»	596
<i>Г. В. Плеханов</i> <В. О. Ключевский>	609
<i>Н. А. Заозерский</i> Василий Осипович Ключевский в его рецензиях диссертаций на ученые степени профессоров и студентов М<осковской> Д<уховной> академии	620
Двадцатипятилетие профессорской службы В. О. Ключевского в Московской духовной академии	628

<i>С.И. Тхоржевский</i>	
В. О. Ключевский как социолог и политический мыслитель	640
<i>А.Е. Пресняков</i>	
В. О. Ключевский (1911–1921)	675
<i>С.А. Голубцов</i>	
Теоретические взгляды В. О. Ключевского (1911–12 мая 1921)	697
<i>С.А. Пионтковский</i>	
<В. О. Ключевский> <Фрагменты>	722
<i>Г.П. Федотов</i>	
Россия Ключевского	737

IV

НАСЛЕДИЕ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

<i>Н.Л. Рубинштейн</i>	
Буржуазный экономизм. Ключевский	759
<i>М.Н. Тихомиров</i>	
<В. О. Ключевский>	788
<i>А.А. Зимин</i>	
Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е гг. XIX в.	793
<i>К.Г. Исупов</i>	
Эстетическая историография В. О. Ключевского	821
Комментарии	841
Указатель имен	935

Учебное издание

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ: PRO ET CONTRA

Антология

Составитель

*Алексей Валерьевич Малинов*Редактор *В.Н. Подгорбунских*Корректор *С.А. Авдеев*Верстка *Т.О. Прокофьевой*

Подписано в печать 13.10.2013. Формат 60 × 90^{1/16}
 Бум. офсетная. Гарнитура Школьная. Печать офсетная.
 Усл. печ. л. 59,50. Тираж 1500 экз.
 Зак. № 110

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15,
 Некоммерческое партнерство Межцерковная организация
 «Апостольский город — Невская перспектива».
 Тел.: (812) 310-97-91

Отпечатано в типографии ООО «Премиум»,
 196105, Санкт-Петербург, ул. Решетникова, д. 21, лит. А